

УДК 94(47)''1830/1915''

Е.Н. ТУМАНИК

**СИБИРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ЭТНОГРАФ
АПОЛЛОН КСАВЕРЬЕВИЧ ОРДЫНСКИЙ (1830–1915):
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ***

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: t.katharina@ngs.ru

В статье на основе новых архивных данных делается попытка введения в научный оборот творческого наследия забытого сегодня сибирского писателя-беллетриста и этнографа Аполлона Ксаверьевича Ордынского (1830–1915) – яркого исследователя духовной и материальной культуры бурятского народа. Научное и художественное наследие А.К. Ордынского позволяет существенно расширить представления о сибирской этнографии и литературе второй половины XIX – начала XX в. Творчество А. Ордынского служит яркой характеристикой сибирско-польских культурных связей.

Ключевые слова: сибирская литература, этнография, буряты, политическая ссылка, «Сибирские воспоминания», поляки в Сибири.

Аполлон Ксаверьевич Ордынский (1830–1915) был видным деятелем сибирской журналистики, писателем-беллетристом и, конечно же, в первую очередь, этнографом по призванию. Его статьи и очерки публиковали все крупнейшие сибирские издания – «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», «Сибирский наблюдатель» и др. Дворянин Киевской губернии, он совсем молодым человеком оказался в сибирской ссылке по политическому делу (предположительно Ш. Конарского), и вся его дальнейшая жизнь оказалась прочно связана с этим далеким краем, где он поступил на государственную службу в Степную думу в Забайкалье, одновременно пробуя свои силы на литературном поприще.

Пока очень мало известно о биографии А.К. Ордынского. В советской историографии о нем еще встречались упоминания, но в последние десятилетия имя сибирского писателя, этнографа и фольклориста оказалось совершенно забыто. А между тем его наследие могло бы существенно обогатить современную науку и расширить наши представления о сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в. Имя А.К. Ордынского вошло в библиографический указатель «Писатели Восточной Сибири», составленный в Иркутске в 1973 г.: «Этнограф и беллетрист Аполлон Ксаверьевич Ордынский родился в 1830 г. Был сотрудником в сибирских изданиях в течение пятидесяти лет. Долгое время жил в Забайкалье. Умер 6 сентября 1915 г. в Томске» [1, с. 30]. Здесь же приведен список основных произведений А.К. Ордынского – пять очерков и повестей. Десятью годами ранее об Ордынском

и его фольклорно-этнографическом наследии сообщал М.П. Хамаганов в монографии «Бурятская фольклористика», но сегодня его научные оценки творчества писателя, конечно же, выглядят устаревшими и даже поверхностными. Например, М.П. Хамаганов называет А.К. Ордынского «проводником» «реакционных фольклористических идей», считает, что он недооценивает и «принижает» «творческие возможности» «бурятского народа» [2, с. 341, 343]. Такой взгляд на творчество Ордынского был, вероятно, продиктован концептуальными стереотипами того времени и требует сегодня переоценки и опровержения. Роли А.К. Ордынского в сибирских издательских проектах пореформенного времени и его сотрудничестве с Н.С. Щукиным касалась Н.П. Матханова, приводя данные для более конструктивного подхода к оценкам вклада писателя в литературную жизнь Сибири [3].

А.К. Ордынский собрал огромное количество материала о духовной и материальной культуре бурят, частично результаты его трудов нашли отражение в опубликованных работах, пользовавшихся в свое время большой популярностью (это, прежде всего, «Очерки бурятской жизни», «Солнечное затмение: из быта забайкальских монголо-бурят буддистов», «Забайкалье и монголо-буряты буддисты», «Посещение буддийского обона и предполагаемого места рождения Чингисхана») [1, с. 30]. Все это, скорее, не строго научные труды, а литературные очерки, написанные хорошим, ясным и живым слогом, отличавшиеся занимательной сюжетной канвой. Но от этого научное значение произведений А. Ордынского только выигрывает. Все его повести, рассказы, очерки основаны на научном материале, фольклорных находках, полевых исследованиях, личных впечатлениях и изысканиях, он любил

*Подготовлено при содействии гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ, № НШ-2318.2012.6.

проводить и историко-культурные параллели, высказывать смелые научные гипотезы, связывая, например, духовную жизнь бурят с индийской традицией. Замечательную характеристику А.К. Ордынскому дает Н.С. Щукин: «...Человек в высшей степени скромный, последовательный и честный, материалов у него гибель, пишет очень метко и наблюдательно... Вообще личность очень замечательная, чего он не знает и где не бывал!» (цит. по: [3, с. 138]).

Популярный в XIX в. сибирский журналист и писатель, любимец читающей публики, А. Ордынский неизвестен сегодня даже специалистам, как и его интереснейшие этнографические произведения, призванные стать достоянием широкого круга не только ученых, но и любителей сибирской фольклористики и литературы. Новые источники к биографии А.К. Ордынского – его письма и неопубликованные художественные произведения с авторскими иллюстрациями (!), выполненными на высоком, почти профессиональном уровне, позволяют по-новому взглянуть и на личность писателя, и на его наследие. Наши недавние архивные находки осветили и в несколько другом свете личность и творческий профиль А.К. Ордынского – по своим личным впечатлениям он создавал интереснейшие зарисовки из сибирской жизни, выступая в них в качестве писателя-реалиста, одновременно придавая им вид типичных картинок повседневности, как в юмористической форме, так и в ироничной манере обличая пороки общества и отдельных его представителей – обитателей Сибири – чиновников, купцов, любителей легкой наживы, грабивших местных аборигенов. Свои рассказы А.К. Ордынский, обладавший огромным художественным талантом, сам же и иллюстрировал. Его рассказы сопровождаются одиннадцатью неопубликованными рисунками, близкими к карикатурному жанру и живописующими сибирский быт и повседневность середины XIX в.

Речь идет о недавно обнаруженных «Сибирских воспоминаниях» А.К. Ордынского, состоящих из трех рассказов – «Влюбленный заседатель», «Золотопромшленница» и «Цивилизаторы тунгусов». Произведения были написаны в 1862 г. в Иркутске и отправлены автором в столицу для публикации в одном из популярных литературных журналов того времени, выходившем под названием «Иллюстрация. Всемирное обозрение». Концепция журнала предполагала обязательный иллюстративный материал, отсюда и авторская работа над рисунками – они были неотъемлемой частью литературной основы, т.е. самих рассказов. В письмах к редактору А.О. Бауману начинающий тогда сибирский писатель просил опубликовать свои «воспоминания» под псевдонимом «Язон Аргонавтов». Сначала он выслал шесть иллюстраций к первому рассказу («Влюбленный заседатель»), а в приложенном письме от 18 сентября 1862 г. написал: «Если мои “Сибирские воспоминания” годятся для Вашего журнала, то я пришлю рисунки и к “Золотопромшленнице”, и к “Цивилизаторам”, к каждому рассказу не менее по шести рисунков и, кроме этого, еще несколько

ко небольших статей в подобном роде. Потрудитесь только уведомить меня своевременно, потому что у нас с нового года будет издаваться свой журнал “Сибиряк”, и я приглашен в компанию на его издание»¹.

Из этой краткой цитаты можно извлечь некоторую информацию о творческих планах А.К. Ордынского: во-первых, он собирался сотрудничать со столичным изданием, намереваясь войти в число постоянных авторов журнала; во-вторых, встать у основания нового сибирского литературного журнала. Налицо активная позиция автора как молодого деятеля-энтузиаста российской литературы и журналистики, готового активно влиться в процессы культурной жизни России начала пореформенного времени. Чуть позже (25 сентября) Ордынский выслал А.О. Бауману еще пять иллюстраций (к рассказу «Золотопромшленница»). Собственно, на этом дело остановилось – остальные рисунки автор обещал передать в издательство только тогда, когда получит «извещение, что “Сибирские воспоминания” будут напечатаны в “Иллюстрации”»². К сожалению, надеждам не суждено было сбыться – в 1863 г. журнал слился с «Иллюстрированным листком» и стал выходить под названием «Иллюстрированная газета», с трудом выдерживая литературную конкуренцию. Возможно, именно в связи с объективными трудностями произведения Ордынского и не были напечатаны, но, тем не менее, стоит проверить версию его дальнейшего сотрудничества с А.О. Бауманом, так как известно, что «Иллюстрированная газета» питала особую склонность к этнографическим материалам.

Возвращаясь к работе писателя по подготовке журнала «Сибиряк», издателем которого выступал Н.С. Щукин (к сожалению, эти планы так и не воплотились в жизнь), можно отметить, что кандидатура А.К. Ордынского рассматривалась издателем, по его собственному выражению, в качестве «главного сотрудника». Совершенно очевидно, что именно Ордынский должен был вести два главных раздела «Сибиряка» – беллетристический и историко-этнографический, к тому же, вероятно, выполнять и иллюстрации [3, с. 137–138]. Замысел журнала нес в себе широкие просветительские идеи, что нашло отражение в обращении А.К. Ордынского к Г.Н. Потанину (приписка к письму Н.С. Щукина от 16 января 1862 г.): «Цель нашего журнала развить литературу в Сибири, заставить сибиряков сбросить с себя застенчивость в передаче мыслей на бумагу и пр., и пр. Цель великолепная. Нам лишь бы сделать начало, а там все пойдет как по маслу» (цит. по: [3, с. 139]). Нет сомнения, что в этих словах отражены мировоззренческие позиции автора – в недавнем прошлом деятеля польского национально-освободительного движения. Эволюция его взглядов в Сибири очевидна – он становится поборником и деятелем просвещения края, ратует за развитие сибирс-

¹ Отдел рукописей Института русской литературы Российской академии наук (ОР ИРЛИ). Ф. 93. Оп. 3. Д. 926. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

кой литературы, за пробуждение литературной жизни и много трудится в этом направлении.

Обращает на себя внимание и другая архивная находка – письмо А.К. Ордынского к виднейшему русскому историку А.Н. Пыпину, в котором изложены не только принципы этнографической работы исследователя культуры бурят, но и весьма ценные для нас моменты его биографии. Письмо отправлено 19 мая 1892 г. из Тобольска, где тогда проживал писатель. Поводом для обращения стала позиция А.К. Ордынского относительно развернувшейся в начале 1890-х гг. публикации произведений Доржи Банзарова, привлеченной к вниманию сибирской общественности к истории и культуре бурятского этноса [4]. Сам факт выхода из печати наследия ученого, конечно же, вызывал у автора письма только приветствие. Одновременно с этим А.К. Ордынский был не согласен с концепцией и освещением Банзаровым (в частности, в труде «Черная вера, или шаманство у монголов», увидевшем впервые свет в 1846 г.) такого явления культуры сибирских народов, как шаманизм, по поводу которого имел собственное мнение, основанное на многолетнем опыте изучения данного феномена: «На шаманов обыкновенно смотрят, как на шарлатанов и обманщиков, а не на как интересный и вполне еще не объяснимый физиологический и психологический феномен. Конечно, Банзарова нельзя винить в недомолвках, это был чрезвычайно сдержанный человек (я его знал лично), он не смел идти вразрез с установившимися в то время воззрениями в науке, и потому книга его о шаманстве не может назваться удовлетворительной»³.

Естественно, в конце XIX в. взгляд на шаманизм несколько изменился по сравнению с эпохой пятидесятилетней давности, на этом в связи с развитием этнографической науки и настаивал А.К. Ордынский. Свои идеи, подкрепленные богатым обработанным этнокультурным материалом, он изложил в работе «Наблюдения над шаманизмом» (данная рукопись пока не обнаружена), составленной «из мелких статей и очерков», – ее он и посылал А.Н. Пыпину в приложении к письму, подчеркивая при этом: «...Мне кажется, что суть шаманизма довольно объективно в них выражается»⁴.

Одновременно с этим А.К. Ордынский касается и позиции Г.Н. Потанина – редактора трудов Доржи Банзарова, подчеркивая свое несогласие с мнением, будто «Черная вера...» «составляет одно из лучших сочинений о сибирском шаманстве». На взгляд автора письма, «Черная вера...» «нисколько не объяснила шаманства»⁵. В то же время А.К. Ордынский приветствует потанинскую идею о приобщении «бурятского племени к общерусской духовной жизни», которое «может быть достигнуто научной разработкой быта бурят и их старины, и изданием книжек, посвященных описанию их родины, их истории и современной их жизни».

«У меня самого давно зародилась подобная мысль», – пишет А.К. Ордынский⁶. Далее он сообщает, что «накопил столько материала в отношении» «быта, нравов, поверий и проч.» бурят, «что даже не знает», «куда с ним деваться», потому что сибирская пресса без интереса относится к этнографическому материалу и не публикует статей на эту тему.

После критических замечаний в адрес периодической печати Сибири А.К. Ордынский переходит к критике... местной власти, что обнаруживает в нем не просто писателя и этнографа, но и человека с ярко выраженной активной гражданской позицией: «...Не интересуется и сама администрация жалким положением инородцев, выгодным только для разного рода ташкентцев всех вообще классов. В 1884 году я посылал в редакцию газеты “Сибирь” небольшую статью, в которой доказывал, что-де, не мешало бы завести в Сибири особых чиновников по инородческим делам, как заведено по крестьянским (в видах охранения их от произвола и эксплуатации разных земских ярыжек), но матушка сибирская цезура статью эту нашла возмутительной!...»⁷ Напомним, что «ташкентцами», с легкой руки М.Е. Салтыкова-Щедрина, автора сатирической статьи «Господа ташкентцы», тогда называли казнокрадов, гонителей просвещения и злоупотребителей всех мастей из числа чиновников.

Итак, из этого же обнаруженного письма А.К. Ордынского мы ясно видим, что интерес к бурятской культуре и фольклору, философии буддизма на определенном этапе стал определяющим в его жизни. Увлечшись, он изучал этот предмет настолько глубоко, что специально добился своего определения на государственную службу в степные думы письмоводителем исключительно для того, чтобы постоянно находиться среди бурят, как забайкальских, так и иркутских. Знакомясь с их культурой, бережно собирая ее памятники, постепенно он стал «своим» среди представителей всех сословий бурятского этноса, что дало ему возможность полностью погрузиться в предмет своего исследования. Он был в дружеских отношениях с Доржи Банзаровым, многими высокопоставленными бурятами и ламами, сохранял переписку с ними до конца жизни. Немаловажным фактом для характеристики личности и культурной открытости сибирского этнографа польского происхождения является то, что он был женат на бурятке из старинного и знатного рода. Занимая активную общественную позицию и борясь за улучшение качества жизни сибирских инородцев, он смело отстаивал их права перед государственной властью. Как свидетельствовал сам о себе А.К. Ордынский, он «служил именно с целью изучения быта инородцев, а не наживы, чем их и располагал к себе». И далее: «Я уверен, что ни одному русскому не удавалось так сблизиться с инородцами, как мне. ...Одним словом, инородцы считают меня словно за своего земляка»⁸. Таким

³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 621. Оп. 1. Д. 620. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 1 об.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 1 об.

образом, становится ясным, что практически никто из этнографов-современников А. Ордынского не был так близок к бурятскому народу.

Жизнь и творчество А. Ордынского служит яркой иллюстрацией сибирско-польских культурных связей, судьба этого писателя во многом типична для представителей польской интеллигенции, оказавшихся в Сибири как в ссылке, так и по собственной воле. Они стали самозабвенными и увлеченными исследователями Сибири, патриотами Азиатской России как части Российской империи, многие из них считали Зауралье своим вторым Отечеством. Вклад А. Ордынского в изучение Сибири сконцентрирован в его литературных трудах, ныне практически совершенно не востребуемых. В связи с этим важной задачей является возвращение в русско-польскую культуру незаслуженно забытого творческого наследия А. Ордынского. Это обогатит не только этнографию и историю, позволяя воссоздать потерянный пласт сибирской литературы,

но и будет иметь большое значение для современной культуры бурятского народа, его самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Писатели Восточной Сибири: биобиблиогр. указатель. Иркутск: Восточносиб. кн. изд-во, 1973.
2. Хамаганов М.П. Бурятская фольклористика. Зарождение и развитие бурятской фольклористики, русско-бурятских фольклористических связей в XVIII–XIX и в начале XX в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962.
3. Матханова Н.П. Эпистолярные источники о журнальных проектах сибирских областников (60-е годы XIX в.) // Русское общество и литература позднего феодализма: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1996. Серия «Археология и этноноведение Сибири». Вып. 17. С. 134–141.
4. Черная вера, или Шаманство у монголов, и другие статьи Дорджи Банзарова / под ред. Г.Н. Потанина. СПб., 1891.

Статья поступила
в редакцию 18.03.2013

УДК 94(47).084.3

Р.В. ОПЛАКАНСКАЯ

ПЛЕННЫЕ 5-Й ПОЛЬСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В МИНУСИНСКОМ УЕЗДЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

канд. ист. наук,
Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
e-mail: roplakanska@mail.ru

В статье дается характеристика группы пленных 5-й Польской стрелковой дивизии, проживавших в начале 1920-х гг. в Минусинском уезде. Группу польских пленных отличала социально-культурная и политическая неоднородность, обусловленная их принадлежностью до Первой мировой войны к трем странам – Австро-Венгрии, Германии и Российской империи. Анализируются образовательный уровень, социально-профессиональный статус представителей группы, использование их труда в хозяйстве региона.

Ключевые слова: Гражданская война в Сибири, Белое движение, иностранная интервенция, 5-я Польская стрелковая дивизия.

5-я Польская стрелковая дивизия была самым крупным после Чехословацкого корпуса иностранным военным формированием в Сибири, принявшим участие в Гражданской войне на стороне Белого движения. Ее организация происходила в условиях стремительно разраставшегося конфликта внутри России – Гражданской войны. Восстановление независимости польского государства ускорило этот процесс. В течение 1918 г. под руководством «Польского военного комитета в России» создавались военные отряды, которые вошли в состав Чехословацкого корпуса, а в январе 1919 г. началось объединение отрядов в 5-ю Польскую стрелковую дивизию, завершившееся в мае того же года. Сформированная дивизия подчинялась командующему союзными войсками в Сибири генералу М. Жанену [1, с. 327–347]. В начале 1919 г.

численность дивизии составляла 6766 солдат и офицеров [2, с. 258], в апреле 1919 г. – 10 722 [3, с. 68], а в конце 1919 г. – 12 700 [4, с. 89].

Состав этого соединения отличался политической и социально-культурной неоднородностью, которая являлась следствием разделов Польши и развития польского этноса в составе трех государств – Российской империи, Австро-Венгрии и Германии [5, с. 277–284]. Неоднородный состав стал причиной различий в мотивации и целях участников этого военного формирования, в итоге предопределивших крушение его планов. Дивизия комплектовалась из нескольких групп поляков: военнопленных австро-венгерской и германской армий, бывших подданных Российской империи – военнослужащих царской армии и представителей гражданского населения Сибири, перешедших в 1919 г. в